

Константин Алексеевич Коровин : 125 лет со дня рождения : [Альбом / сост., вст. ст. (С. 2–7): В.Ф. Круглов]. — Л. : Художник РСФСР, 1987.

Именем Константина Алексеевича Коровина связаны яркие страницы истории отечественной культуры рубежа XIX и XX веков. Замечательно одаренный человек и художник, он был характерным представителем эпохи «великих переломов» со свойственными ей мучительными поисками положительного идеала, стремлением к синтезу. Жизнеутверждающее искусство Коровина оставило неизгладимый след в русской станковой живописи, созданные им пейзажи, жанры, портреты, натюрморты являются классикой родной культуры. Коровин — один из немногих художников своего времени, которому удалось осуществить свои замыслы в области монументальной живописи. Он пробовал себя в керамике и книжной иллюстрации и — особенно успешно — как архитектор, оформитель выставочных павильонов и жилых интерьеров. Эти поиски «целого», ансамбля, синтеза нашли свое самое совершенное выражение в работах художника для театра. Коровин по праву считается одним из реформаторов театрально-декорационного искусства в России. Более двух десятилетий он отдал преподавательской деятельности и воспитал несколько поколений отечественных живописцев. С юных лет ценный как остроумный рассказчик и импровизатор, на закате жизни Коровин получил признание как талантливый мемуарист, оставивший галерею портретов-очерков своих учителей, друзей и современников. Он был другом В. А. Серова и Ф. И. Шаляпина, сверстником И. И. Левитана, М. А. Врубеля, М. В. Нестерова. Около сорока лет его творчество находилось в центре развития отечественного искусства, о нем спорили, им восхищались, на него равнялись.

В дни празднования 125-летия со дня рождения Константина Алексеевича Коровина в залах Государственного Русского музея открылась четвертая по счету в советское время выставка его работ. Она явилась данью любви и уважения новых поколений памяти выдающегося русского живописца и представила из-

бранные произведения художника из музейных коллекций Ленинграда и городов Российской Федерации. Наряду со станковой живописью, эскизами театральных декораций и костюмов, широко показанными в постоянных экспозициях музеев, здесь экспонировалась часть «северных напшо», некогда украшавших павильон России на Всемирной выставке в Париже 1900 года и принесших международное признание их автору. Эти большемерные произведения впервые за последние двадцать пять лет покинули залы запасников Государственного Русского музея.

Константин Алексеевич Коровин родился 23 ноября 1861 года в Москве. Вторым ребенком в семье, он был на три года моложе брата Сергея, в будущем известного картиной «На миру» и иллюстрациями к повести Н. В. Гоголя «Шинель». Их родителям, принадлежавшим к купеческому сословию, не чужды были культурные запросы: отец учился в Московском университете, от матери сыновья унаследовали музыкальную и художественную одаренность. Другими членами семьи были популярными в 1860—1870-е годы художники Л. Л. Каменев и И. М. Прянишников, родственники Коровиных.

Вскоре после рождения Константина семья, жившая за счет ямщицкого дела, разорилась и впала в бедность. Несмотря на это профессиональная судьба будущего знаменитого живописца сложилась счастливо, рано была замечена художественная одаренность мальчика. В тринадцать лет его приняли в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, уже ставшее признанным центром формирования реалистического искусства. Написанный там Коровиным этюд головы удостоился похвал В. Г. Перова и И. М. Прянишникова, многие работы, как и одновременные пейзажи его соучеников И. И. Левитана, С. И. Светославского, пользовались успехом на ученических выставках училища. Педагогами начинающего художника стали классики отечественного пейзажа А. К. Савра-

сов и В. Д. Поленов, сумевшие распознать и развить свойственный воспитаннику дар колориста. Именно Поленов в середине 1880-х годов ввел юного Коровина в среду художников, группировавшихся вокруг С. И. Мамонтова, заслужившего память потомков трудами на ниве меценатства. Московский дом Мамонтовых и их подмосковное имение Абрамцево собирали виднейших русских художников тех лет — И. Е. Репина, В. М. Васнецова, В. Д. Поленова и молодое поколение, в будущем давшее классиков отечественного искусства рубежа столетий — В. А. Серова, М. А. Врубеля, И. С. Остроухова, М. В. Нестерова, Е. Д. Полепову, А. М. Васнецова. Здесь в общем увлечении живописью, музыкой и театром, отечественной историей и народным творчеством предугадывались и зарождались новые тенденции развития русского искусства последующих десятилетий. Здесь, вслушиваясь в профессиональные споры, принимая активное участие во всех начинаниях кружка, присматриваясь к работе старших и постоянно анализируя наблюдения, Коровин учился и формировался как живописец, здесь он приобщился к театру. Имя художника неотделимо от истории Абрамцевского кружка, как и история этого кружка, его театральных постановок, а затем Русской частной оперы не будет полной без упоминания имени Коровина. Его ранняя картина «Северная идиллия» (1886, ГТГ) отражает интерес молодого живописца к театру и фольклору, его стремление к поэтическому преображению реальности, к «театрализации».

С первых шагов своей самостоятельной творческой деятельности, начавшейся ровно сто лет назад, Коровин выступил как поватор. Уже его ранние, второй половины 1880-х годов, картины «У балкона. Испанки Леонора и Ампара» (ГТГ), «В лодке» (1888, ГТГ), «Портрет Т. С. Любатович» (1880-е гг., ГРМ), «Улица во Флоренции в дождь» (1888, ГТГ) и другие, как и «Девушка, освещенная солнцем» В. А. Серова, пейзажи И. И. Левитана, жанры М. В. Нестерова, появившиеся в годы высшего расцвета талантов И. Е. Репина, В. И. Сурикова, Н. Н. Ге, И. И. Шишкина, были отмечены похвалой для русской живописи тенденциями. Им свойственна особая лирическая интерпретация природы, отражающая мироощущение нового поколения, его поиски положительного идеала, другой художественности. Картины молодых мастеров поны по трактовке сюжетов, по живописной манере, колористическим поискам, все большее значение приобретали стремление к передаче воздуха и света, яркого многоцветия мира, выявление в натуре настроений, близких непосредственным переживаниям людей.

Появившиеся в конце 1880-х годов картины Коро-

вина «За чайным столом» (1888), «У балкона. Испанки Леонора и Ампара», «В лодке» были первыми образцами характерного для живописи 1890—1900-х годов «бессюжетного жанра». При внешней простоте мотивов они сложны по своей жанровой структуре, наряду с элементами портрета и бытового жанра они на равных часто включают пейзаж, интерьер и натюрморт. Это свойственно раннему, темпераментно написанному, полному юношески восторженного взгляда на мир портрету Т. С. Любатович, певицы мамонтовской Русской частной оперы. Первая в России исполнительница партии Кармен изображена в светлый и безоблачный день своей жизни юной, улыбающейся, сидящей на подоконнике с книгой в руках на фоне сочной зелени сада. Гармонично звучит «диалог» двух сред человеческого бытия — интерьера и пейзажа.

Как стройный хор, сопровождающий затаенные в своей страстности «партии» испанок, звучат полный воздуха, эмоционально трактованный интерьер и включенные в него мотивы натюрморта в картине «У балкона. Испанки Леонора и Ампара». Добываясь непосредственности в передаче чувств и переживаний, молодой художник часто фрагментирует пространство и предметы, использует необычные, резкие ракурсы — «Улица во Флоренции в дождь», «За чайным столом», «В лодке». С этих полотен Коровина, как и произведений В. А. Серова, И. И. Левитана, М. А. Врубеля, помеченных второй половиной 1880-х годов, по праву начинается отсчет истории русской живописи рубежа XIX—XX веков.

В 1890-х годах появились отмеченные тончайшей лирикой, артистизмом и легкостью кисти этюды-картины «Зимой» (1894, ГТГ), «Ручей» (ГРМ), «Портрет Салюд Отон» (1891), «Летом» (1895, ГТГ) и другие.

Яркий выразитель поэзии подмосковного, средне-русского пейзажа, в поисках вдохновения и новых творческих импульсов уже в эти годы Коровин посетил Кавказ, Италию, Испанию, Францию. В начале следующего десятилетия он провел в Париже два — 1892 и 1893 — года, искал себя, изучал современное европейское искусство, не без успеха выставлялся в Париже и Лондоне и близко сошелся с тогдашней европейской знаменитостью — шведским живописцем А. Цорном.

К самому Коровину признание придет позже. А пока ни одной его картины еще не было в галереях Третьяковых. Передвижники не спешили избрать художника в члены Товарищества и с подозрительностью относились к его работам; лишённые развернутого сюжета, поэтизирующие ничем не примечательную реальность, произведения Коровина порой вос-

принимались современниками как отражение самоценных поисков красоты и равнодушия к социальному несовершенству мира.

В 1880-е и 1890-е годы художник как никогда страдал от нищеты и неустроенности. Чтобы заработать на жизнь, приходилось в ущерб писанию картин брать заказы на театральные декорации. Судя по дневниковым записям, он переживал моменты внутреннего смятения, жесточайшей меланхолии, цепеня в себя. Но самый внимательный зритель вряд ли ощутит это, рассматривая его всегда здоровые по мироощущению полотна, полные бодрой пульсации жизни. Им никогда не свойственны ноты мрачного пессимизма, трагизма. Так непохожий на передвижников, по всем творческим служив обществу, Коровин был верен заветам учителей и традициям отечественной демократической культуры, в годы «безвременья» и реакции, как и многие его сверстники, он сделал любовь к жизни, утверждение «отрадного» своим творческим и человеческим кредо.

Значительной по последствиям, но влиянию на дальнейшую творческую судьбу художника была предпринятая в середине — второй половине 1890-х годов серия его поездок на Север, в то время еще малообжитый и отъединенный от остальной России. В первой поездке — на Беломорье, вдоль Мурманского побережья до Северной Норвегии, состоявшейся в августе — сентябре 1894 года, вместе с Коровиным участвовал и В. А. Серов.

Созданное на Севере, имевшее для русской общности как художественный, так и научно-познавательный интерес, отражало широту и разнообразие задач, поставленных перед собой художником. С видами крупных портов здесь соседствуют изображения малолюдных становищ и монастырей, моря и необжитых островов. Рядом с широкими панорамами — интимные по чувству «уголковые» пейзажи, с жанровыми сценами, запечатлевшими производственный процесс («Лов рыбы ярусами в море») — редкий для этих лет натюрморт с рыбой. Многие из созданного в те дни, и, прежде всего, пейзажи «Зима в Лапландии», «Ручей св. Трюфона в Печенге» (оба 1894, ГТГ), «Гаммерфест. Северное сияние» (1894—1895, ГТГ), сразу и навсегда вошли в золотой фонд отечественного искусства. Большую часть этюдов отличает монументальное начало в передаче необозримых пространств, суровой и могучей природы, погруженной в вековечный сон. Это достигнуто мудрым лаконизмом в воспроизведении форм природы, сдержанностью цветового решения. Здесь в самой реальности — в северном свете, в неярких красках трех великих стихий: земли, моря

и неба — Коровин нашел свои серебряные гаммы, на длительный период ставшие особенностью его живописи.

Коровин открыл русским людям и, прежде всего, коллегам-художникам «новый континент для живописи» — Север. Его поездки положили начало массовому паломничеству художников, и в конце 1890-х — начале 1900-х годов здесь побывали П. В. Доскин, А. А. Борисов, А. Е. Архипов, В. В. Переплетчиков, Л. В. Туржанский, П. В. Кузнецов и другие.

С лета 1894 года и до конца 1890-х годов в творчестве Коровина главное место заняла северная тема, давшая замечательные «вешки» в виде картин «Гаммерфест. Северное сияние», «На Севере» (1899, ГРМ), «Белая ночь в Северной Норвегии», а также двух серий панно для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде (1896) и Всемирной выставки в Париже (1900). Последнюю составляет тридцать одна картина большого размера — пейзажи и сцены жизни обитателей европейского Севера, Сибири и Туркестана. Посетителей Русского павильона поражали не только экзотичность мотивов, но и сила, повизна и темпераментность их художественного воплощения. Коровинские панно были замечательным явлением в современной мировой монументальной живописи — их воспроизводили в журналах и анализировали. Они были порождением новой эпохи рубежа столетий.

Написанные клеевыми красками на холсте, эти произведения отличаются монументальностью в передаче размаха безбрежных пространств Заполярья и тайги, мощи древних построек Средней Азии. В большей мере, чем в натуральных этюдах, формы видимого мира здесь силой художественного замысла подвергнуты «упрощению» и обобщению, выдержанный в тонкой серебристо-лиловой гамме колорит строится на сопоставлении больших гладкоокрашенных и близких по тональности плоскостей цвета. Таковы панно «У становища корабля», «Пристань у фактории на Мурмане» и другие.

1890-е годы явились чрезвычайно насыщенными для творчества Коровина: не прерывая интенсивных занятий станковой, а с середины десятилетия монументальной живописью и театральными декорациями, он экспериментирует в руководимой М. А. Врубелем абрамцевской керамической мастерской, вместе со сверстниками участвует в иллюстрировании юбилейных собраний сочинений М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкила, проектирует и украшает павильоны для Нижегородской и Парижской выставок. Всемирная выставка в Париже упрочила положение Коровина в современном искусстве. Его декоративные панно

и картина «Испанки» были отмечены высшей наградой — золотыми медалями, архитектура построенного Коровиным кустарного отдела — Большой серебряной медалью. Франция наградила художника орденом Почетного легиона.

Первые два десятилетия XX века были временем расцвета таланта Коровина и его всеобщего признания современниками: с 1900 года он становится художником императорских театров, с 1901 года назначается деятельностью Коровина-педагога в совместной с В. А. Серовым мастерской в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, в 1903 году как член-учредитель он подписывает устав вновь основанного Союза русских художников, на выставках которого отвык и вплоть до начала 1920-х годов будут постоянно показываться и лидировать его картины, в 1905 году Академия художеств присвоила ему звание академика живописи.

Если в начале 1900-х годов художник еще продолжал опыты в области архитектуры, участвовал в выставке убранства жилого интерьера «Современное искусство», то с середины десятилетия его внимание полностью переключилось на станковую и театральную-декорационную живопись. Коровин интенсивно работал во всех жанрах — писал пейзажи, портреты, «бессюжетные жанры», в 1910-х годах утвердил себя как мастер натюрморта и интерьера.

Большиней части его полотен свойственно характерное для эпохи «смешение» жанров. гармоничное их переплетение — человеческие фигуры, цветы и плоды часто помещаются в эмоционально активном пейзаже и интерьере или на границе этих двух сред — у окон, у распахнутых дверей. Произведения Коровина тех лет были наиболее полным отражением его общительной, легко увлекающейся, щедро одаренной природой натуры. Писал он как никогда свободно и радостно, гибко оперируя богатым арсеналом живописных приемов. В середине 1900-х годов окончательно формируется та особая «коровинская» манера широкого и темпераментного эскизного письма, что навсегда будет связана с его именем, особая «коровинская» концепция картины, сутью которой было единство жизненной непосредственности и декоративности.

Верный заветам своих учителей А. К. Саврасова и В. Д. Поленова, в годы нового века Коровин развивает линию лирического пейзажа, с равным вниманием обращаясь к сельским и городским мотивам. Его влечет жизнь природы, ее трепет, изменения в зависимости от времени суток и года. Коровин не знает повторений, каждый созданный им образ глубоко индивидуален, изображает ли он Подмосковье, Францию

или Крым. Таковы «Пристань в Гурзуфе» (1914, ГРМ), «Осень. На мосту» (ГРМ), «Ис-ева» (1917, ГРМ), сюита «Парижские огни» и другие. Примечательно, что собственно русский пейзаж Коровин воспринимает исключительно как сельский. В 1900—1910-х годах им написано всего несколько видов Москвы, в том числе «Пейзаж с фабричными зданиями» (1908, ГРМ), «Москва. Кремль» (1911, ГИМ). В отличие от собратьев по Союзу русских художников (К. Ф. Юона, П. И. Петровичева) его не влекут и провинциальные города с их древними храмами и толчеей ярмарок, шумными речными пристанями. В то же время именно феерия почной жизни парижских улиц и гомон залптых педерым солпцем набережных и базаров Севастополя и Гурзуфа воллуют Коровина — неутомимого путешественника. В сиюминутном он ищет характерное, простое мотив ему служит поводом для выражения глубоких и сложных чувств, в самых солнечных его пейзажах опутны ноты печали, романтические сны почного Парижа порой окрашены драматизмом.

Натюрморты Коровина неотделимы от природы. Свои пышные букеты роз, вазы и тарелки с сочными плодами он любит помещать на открытых террасах, на подоконниках, у раскрытых окон в залитый солнцем или романтический дупный пейзаж. Его насыщенные по цвету, полнокровные «модели» всегда изображены словно увиденными в самый яркий момент своего существования. Окутанные воздушной дымкой, они то звонко сверкают в солнечных лучах — «На берегу моря» (1910, ГРМ), «Букет» (1911, Костромской музей изобразительных искусств), то таинственно мерцают в сумерках или в рассеянном свете интерьера — «Розы и фиалки» (1912, ГТГ), «Сирень» (1915, ГРМ). Натюрморты Коровина то просты по составу, то сложны «оркестрованы» в подборе разноокрашенных, разнофактурных предметов, порой данных в острых сопоставлениях — «Розы и фиалки», «Рыбы» (1916, ГРМ). Они — подлинное ликование жизни, которое так умел передать художник.

Особенностью Коровина-портретиста является то, что за исключением изображений И. А. Морозова (1903, ГТГ) и В. О. Гиршмана (1904, Государственный музей изобразительных искусств Азербайджанской ССР, Баку) он в эти годы не писал заказных портретов. Его моделями, как правило, являются близкие люди, его друзья — певец Ф. И. Шаляпин (1905, ГТГ и 1911, ГРМ), актриса Н. И. Комаровская (1908, ГРМ), директор императорских театров В. А. Теляковский (1915, Государственный музей изобразительных искусств Казахской ССР, Алма-Ата), художник И. Риппл-Ропан (1912, Государственный музей изобре-

зительных искусств Белорусской ССР, Минск) и другие.

К лучшим из этих работ принадлежит портрет Ф. И. Шаляпина (1911, ГРМ), написанный на юге Франции в Виши, где тогда лечился артист. К этому времени уже существовали романтически взволнованный портрет юного певца, изваянный П. П. Трубецким, портрет-рисунок на полотне В. А. Серова, полный гражданственного пафоса, острохарактерные изображения актера в ролях кисти А. Я. Головина.

Шаляпина неоднократно писал и Коровин, будучи его близким другом и соратником по реформации театра. Зная достоинства и недостатки великого певца, свидетель роста Шаляпина-актера, в будущем создатель его острого литературного портрета, в живописном произведении Коровин выделил, прежде всего, близкие, импонирующие ему черты характера портретируемого — увлекательного рассказчика, очаровательного весельчака, человека широкой натуры. Этому ощущению в значительной степени способствуют и весь строй темпераментной, ликующей живописи и передача внешнего облика Шаляпина — его гордого профиля, веселого выражения лица человека, ведущего приятную и оживленную беседу, изящной небрежности позы, костюма.

Картина отмечена характерной полижапровой природой, в ней сосуществуют собственно портрет, натюрморт, интерьер и пейзаж. Свою модель художник помещает у обильно украшенного плодами и цветами стола, в пространстве комнаты, покой и полутьма которой нарушают блики солнца, проникающие в открытое окно сквозь густую завесу сочной листвы. Скопированно, элегантно и широко, опуская второстепенное, художник намечает большую стройную фигуру в светлом костюме, выделяет ее из пространства и одновременно погружает в него. Мазок рельефный, стремительный и подвижный, то мелкий, то протяженный, словно отражение взволнованности чувств автора, передает движение света, ощущение потока жизни. Богородство и тональное богатство, теплота охр, которыми написаны фигура, стены, пол подчеркнуты, «обострены» игрой холодных серебристо-лиловых тонов вибрирующего воздушного марева в пейзаже за окном, бликов и мерцания стекла, плодов и цветов натюрморта на столе.

Мир, увиденный глазами художника, зафиксирован во всем очаровании изменчивого мгновения жизни, в борьбе и гармонии света и теней, теплого и холодного, статичности и движения, окутанный трепещущей световоздушной пеленой. Мир, воспринимаемый как отражение оптимистически светлого внутреннего со-

стояния модели и взволнованности чувств художника изображен в момент их духовного слияния.

Первые десятилетия нашего века были и временем расцвета таланта Коровина — мастера театральной декорации. Его деятельность была связана главным образом с музыкальным театром, со сценами Большого в Москве и петербургского Мариинского театров. В этой области творчества нашли реализацию природная музыкальность художника, музыкальность его живописи, интерес к архитектуре, поиски синтеза пространственных искусств.

С первых шагов своей деятельности в императорских театрах Коровин выступил как реформатор театрального дела. Отныне наряду с режиссером художник становился соавтором спектакля, средствами живописи создающим глубоко эмоциональные образы. В едином ключе, в соответствии с главной идеей спектакля решались декорации, костюмы и бутафория. Особенно любил мастер (и ему это удавалось) оформлять оперы и балеты на сказочные и исторические темы. Таковы ставшие крупным явлением в отечественном театральном искусстве постановки опер М. И. Глинки («Руслан и Людмила», 1904; «Жизнь за царя», 1908, 1912), Н. А. Римского-Корсакова («Золотой петушок», 1909; «Снегурочка», 1911; «Сказка о царе Салтане», 1913; «Сказание о невидимом граде Китеже», 1906, 1916), М. П. Мусоргского («Хованщина», 1911). Причем особенно удачными, имевшими поистине триумфальный успех, были декорации и костюмы к «Золотому петушку», «Хованщине» и «Снегурочке». Отмеченные тонким вкусом и музыкальностью, коровинские эскизы театральных постановок представляют самостоятельный художественный интерес. Таковы декорация «Заповедный лес» и рисунки костюмов для «Снегурочки», «Скит. Лунная ночь» и «Москва. Красная площадь» для «Хованщины», «Заволяжские леса» для «Сказания о невидимом граде Китеже», «Сад Маргариты» для «Фауста», костюмы для «Аленького цветочка» (все в Ленинградском театральном музее).

Последние шестнадцать лет жизни художника связаны с Францией, куда он выехал в 1923 году по решению Советского правительства для устройства выставки и лечения сына. Выполняя частые отдельные заказы для театров Европы и Америки, Коровин работал и как станковист, но в атмосфере смены художественных направлений и моды интерес к произведениям стареющего русского мастера постепенно утрачивается. Созданные им в 1930-е годы картины «Париж. Сен-Дени», «Натюрморт с омаром», «Лески на зеленом столе» (все в Ярославском государственном художественном музее) с их угловатыми и колкими фор-

мами, экспрессивные по колориту, жесткие по письму, показывают не только творческую эволюцию Коровина-живописца, но и дисгармоничное внутреннее состояние этого некогда певца солнца и счастья.

Художник скончался 11 сентября 1939 года.

У Константина Коровина завидная участь, он — глубоко национальное русское явление. Его наследие не устаревает. Произведения художника, отличающие-

ся тонкостью колорита, элегантною маэстрией письма, со времени своего появления и вплоть до наших дней являются школой мастерства для живописцев разных поколений. В истории отечественного искусства Коровин остался вечно молодым, жизнерадостным и темпераментным. Любовь к жизни и человеку пронизывает все созданное им.

В. Ф. Круглов